

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

У Германтов

Москва
2021

УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6
П85

MARCEL PROUST
À la recherche du temps perdu
Le côté de Guermantes
1920–1921

Перевел с французского Н. Любимов

Пруст М.

П85 В поисках утраченного времени : У Германтов / Марсель Пруст ; [пер. с франц. Н. Любимова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — 613 с. — (Серия «Пальмира — Пруст»).

ISBN 978-5-614-74563-8

«У Германтов» — третья книга семитомной эпопеи французского писателя Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени». Семья Рассказчика переезжает во флигель особняка герцогов Германтов, которых он боготворил с детства на расстоянии и теперь наконец получает возможность узнать настоящему.

**УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6**

© Любимов Н. М., наследники,
перевод на русский язык, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-614-74563-8

Леону Доде,
автору «Путешествия Шекспира»,
«Соломонова суда», «Черной звезды»,
«Призраков и живых», «Мира образов»,
автору стольких шедевров,
несравненному другу —
в знак благодарности и восхищения —

М. П.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утренний щебет птиц явно раздражал Франсуазу. От каждого слова «прислуги» она вздрагивала; ходьба «прислуги» не давала ей покою, и она все спрашивала, кто это там ходит; дело в том, что мы переехали. Разумеется, слуги не реже сновали и на «седьмом» нашей прежней квартиры; но Франсуаза была с ними знакома и ощущала в их беготне нечто дружественное. На новом месте она с мучительным напряжением вслушивалась и в тишину. А так как новый наш квартал был столь же тих, сколь шумен бульвар, где мы жили раньше, то в теперешнем изгнании Франсуазу при звуках песни (слышной, подобно оркестровой мелодии, издалека, если только поют негромко) прошибала слеза. Вот почему я хоть и посмеивался над ней, что она тяжело переживала наш переезд из дома, где «все нас так уважали», где она, плача, как того требовал комбрейский обычай, укладывала свои вещи и утверждала, что лучше этого дома на свете нет, все-таки, оттого что мне одинаково трудно было приноровиться к новой обстановке и расстаться с прежней, потянулся к нашей старой служанке после того, как удостоверился, что устройство в доме, где еще не знавший нас привратник не оказывал ей знаков уважения, необходимых для ее душевного спокойствия, довело ее до полуморочного состояния. Понять меня способна была только она; и уж, во всяком случае, не ливрейный лакей; для лакея, которому комбрейский дух был как нельзя более чужд, переезд на жительство в другой квартал являлся чем-то вроде отпуска, когда при перемене обстановки отдыхаешь, как в дороге; он чувствовал себя словно на лоне природы; и даже насморку, — точно он «простыл» в вагоне с неплотно закрывающимся окном, — радовался не меньше, чем если бы дышал деревенским воздухом; после каждого чеха

он выражал восторг от того, что нашел такое шикарное место: ведь он же давно мечтал попасть к господам, которые много путешествуют. Потому-то я даже и не подумал о нем, а пошел прямо к Франсуазе; предотъездные сборы не огорчали меня, и тогда ее слезы казались мне смешными, она же отнеслась холодно к теперешней моей грусти именно потому, что разделяла ее. Вместе с мнимой «чувствительностью» нервных людей растет их эгоизм; горевать из-за чужих хворей они не способны, зато со своими носятся все больше и больше; Франсуаза охала от самой пустячной боли и отворачивалась, когда было больно мне, — отворачивалась, чтобы мне не доставила удовольствия мысль, что другие видят, как я страдаю, и жалеют меня. Таким же образом повела она себя, когда я заговорил с ней о нашем новом обиталище. Более того: через два дня, когда у меня из-за переезда все еще «держалась» температура и, подобно удаву, только что проглотившему быка, я находился в подавленном состоянии, — а подавляла меня каменная ограда, которую предстояло «переварить» моему взору, — Франсуаза пошла на старую квартиру за забытыми вещами и, неверная, как все женщины, возвратившись, сказала, что на нашем старом бульваре ей чуть-чуть не сделалось дурно от духоты, что по дороге туда она долго «блудила», что нигде еще не видела она таких неудобных лестниц, что теперь она не согласилась бы жить там ни «за полцарства», ни за какие миллионы, которых ей, впрочем, никто и не собирався предлагать, и что все (то есть все, относящееся к кухне и кухонной утвари) куда лучше «оборудовано» на нашей новой квартире. Однако пора уж сообщить, что наша новая квартира, — переехали же мы сюда, потому что бабушка чувствовала себя плохо (от нее мы эту причину утаили) и ей нужен был более чистый воздух, — находилась во флигеле особняка Германтов.

В определенном возрасте мы достигаем того, что Имена воспроизводят перед нами образ непознаваемого, который мы в них заключили, и в то же время обозначают для нас реально существующую местность, благодаря чему и то и другое отождествляется в нашем сознании до такой степени, что мы ищем в каком-нибудь городе душу, которая не может в нем находиться, но которую мы уже не властны из-

гнать из его названия, и не только города и реки индивидуализируют Имена, как их индивидуализируют аллегорические картины, не только материальную вселенную испещряют они отличительными чертами и населяют чудесами, но и вселенную социальную: тогда в каждом замке, в каждом чем-нибудь знаменитом доме, дворце живет женщина или фея, подобно тому как в лесах обитают лесные духи, а в водах — божества водяные. Иногда прячущаяся в глубине своего имени фея преобразается по прихоти нашей фантазии, которая питает ее; вот так и атмосфера, окружавшая во мне герцогиню Германтскую, которая на протяжении многих лет являлась для меня всего лишь отражением волшебного фонаря и церковного витража, начала приглушать свои тона, едва лишь совсем иные мечты пропитали ее вспененной влагой потоков.

Однако фея блекнет, когда мы приближаемся к настоящей женщине, носящей ее имя, ибо имя начинает тогда отражать женщину, и у женщины ничего уже не остается от феи; фея может возродиться, если мы удалимся от женщины; но если мы не отойдем от женщины, фея умирает для нас навсегда, а вместе с нею — имя, как род Люзиньянов, которому суждено угаснуть в тот день, когда исчезнет фея Мелюзина. Тогда Имя, в котором, хотя оно и много раз перекрашивалось, мы в конце концов можем обнаружить прекрасный портрет незнакомки, которую мы никогда не видели, представляет собой обыкновенную фотографическую карточку, служащую для того, чтобы свериться с ней, знаем ли мы идущую навстречу женщину и надо ли ей поклониться. Но стоит какому-нибудь давнему ощущению, — так граммофонные пластинки сохраняют звук и стиль игры различных музыкантов, — позволить нашей памяти произнести это имя, как оно звучало для нас тогда, — и, хотя по виду имя не изменилось, мы сразу чувствуем расстояние, отделяющее мечты, которые, одна за другой, возникали перед нами при произнесении тех же самых слогов. На миг из вновь услышанного щебета былой весны мы можем извлечь, как из тюбиков, какими пользуются художники, верный, забытый, таинственный, не потускневший оттенок того времени, которое будто бы оживает в нашей памяти, когда, подобно плохим живописцам, мы придаем всему нашему прошлому,

распяленному на одном холсте, условные и совершенно одинаковые тона волевой памяти. А ведь на самом деле как раз наоборот, каждое из мгновений, составляющих наше прошлое, пользовалось в самобытном своем творчестве, не нарушая гармонической цельности, тогдашними красками, которых мы теперь уже не знаем, но которые могут еще внезапно привести меня в восторг, если случайно имя Германт, по прошествии стольких лет приобретаю на миг резко отличающееся от нынешнего звучание, какое я уловил в день свадьбы мадмуазель Перспье, вернет мне теплую, яркую, свежую лиловь, которою нежил взор пышный галстук юной герцогини, и напоминавшие вновь расцветшие и недоступные барвинки ее глаза, осиянные лазоревой улыбкой. А еще имя Германт тех времен похоже на баллончик с кислородом или с каким-нибудь другим газом: когда я его разбиваю, выпускаю из него содержимое, я дышу воздухом Комбре того года, того дня, смешанным с запахом боярышника, колыхавшегося от предвестника дождя — от ветра с площади, который то скрадывал солнечный свет, то расстилал его на красном шерстяном ковре церковного придела, отчего ковер окрашивался в яркий, почти розовый цвет герани и его ликование приобретало, я бы сказал, вагнеровскую мягкость, которая так облагораживает праздничность. Но и не в такие редкие мгновения, когда мы внезапно ощущаем, как трепещет неповторимая сущность и как она вновь вырастает, не утратив формы своей и чеканки из ныне мертвых слогов, — пусть даже, находя себе чисто практическое применение в головокружительном вихре повседневной жизни, имена совершенно обесцвечиваются, подобно пестрому волчку, который, когда он очень быстро крутится, кажется серым, — все же, погружаясь в мечтанья, мы раздумываем, мы пытаемся, чтобы вернуться к прошлому, замедлить, приостановить вечное движение, в которое мы вовлечены, перед нами вновь возникают следующие непосредственно один за другим, но совершенно разные оттенки, которые в ту или иную пору нашей жизни показывало нам чье-нибудь имя.

Разумеется, какая форма вычерчивалась перед моими глазами, когда моя кормилица, конечно, не имевшая понятия, как до сих пор и я не имею понятия, в честь кого была сложена старинная песня «Слава маркизе Германтской», ко-